

Прага, 1963; *Он же*. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; *Он же*. Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия. Прага, 1987.

²⁶ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. I–V. Olomuch, Brno, 1836–1846.

²⁷ См.: *Лантева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848). М., 1985. С. 171.

²⁸ См.: *Dudík B.* Dějiny Moravy. Praha, 1875–1884. Díl. 1–9.

УДК 94(5)“15/18”(047.2)

ОБРАЗ И МЕСТО ВОСТОЧНОГО ГОРОДА НА СТРАНИЦАХ ЗАПИСОК АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О. В. Королева

Саратовский государственный университет
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема складывания представлений английских путешественников о восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Через анализ восприятия англичанами городов в восточных странах и их жителей выявляются изобразительные средства, используемые авторами путевых записок при создании образа «чужого». Автор анализирует константы, составляющие образ восточного города, и выявляет механизм конструирования английскими путешественниками «чужого» пространства, подчеркивая общее и особенное в их восприятии разных стран. Работа построена на использовании широкого круга источников, включая дневники путешественников, корабельные журналы капитанов и руководителей восточных экспедиций, воспоминания и описания путешествий, написанные авторами-очевидцами по возвращении домой, письма путешественников своим родным, друзьям и знакомым.

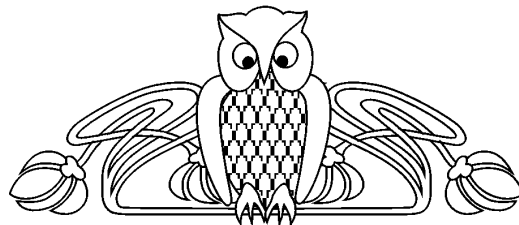
Ключевые слова: образ «чужого», восточные города глазами английских путешественников, восточный город, путешествия англичан в раннее Новое время, записки английских путешественников, диалог культур.

The Portrayal and Place of Eastern City in the Papers of English Travelers, Late 16 – Early 17 Centuries

O. V. Koroleva

In the present papers there is analysis of different views presented in the English travel writings. The purpose was to show what early modern English perceptions of 'Eastern' cities and their inhabitants as 'another' culture were. The author analyzes the constants making an image of east Eastern city, and reveals the mechanism of designing of 'another' space by the English travellers. In the article the common and specific things in their perception of different countries is emphasized. In the English travel writing about the East, a city and inhabitants quickly becomes (become) the focus of the civilized/barbaric binary. That allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-European civilizations during early modern times. The author used a wide range of sources, including diaries of travellers, ship magazines, memoirs and the descriptions of travel written by eyewitnesses upon returning home, letters of travellers to friends and acquaintances.

Key words: early modern English travels, Eastern city through English travellers' eyes, English travel writing, cultural dialogue, portrayal of Eastern "Other".

Представления об иных этносах и культурах, представления о «другом/чужом» являются органической частью духовной жизни общества, неотъемлемой и принципиально важной составляющей национального самосознания. По словам И. Нойманна, без «Другого» субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире, поскольку знание создается в дискурсе, где встречаются сознания»¹.

Дихотомия «свой – чужой» – одна из самых фундаментальных в истории человеческого мышления. Несмотря на то что границы человеческого сознания стремительно расширялись во временном контексте, а познания об окружающем мире углублялись и усложнялись, проблема диалога, преодоления (или использования) стереотипов и в настоящее время продолжает оставаться одной из важнейших в культуре и политике.

Рождение национальных мифов и стереотипов, которые во многом обуславливают восприятие «другого», уходит корнями в прошлое. Поэтому все большее внимание ученых привлекают первые контакты между различными культурами в надежде узнать, как происходит формирование границы между двумя мирами – «своего» и «чужого».

Записки первых английских путешественников на Восток предоставляют возможность изучить процесс конструирования «чужого» пространства и смыслы, которыми оно наделялось в их представлении. Роль «чужого» пространства в нашем случае играет восточный город. Записки англичан, путешествовавших к востоку от Персии в конце XVI – первой трети XVII в., содержат сведения преимущественно о городах Индии, Бирмы (княжества Пегу), Суматры, Явы, Японии и в меньшей степени о Китае. Путешественники оставили больше всего сведений о Могольской империи, поскольку с самого начала ключевую роль для Ост-Индской компании в регионе играли ее отношения с этим государством. Неудачно сложившиеся отношения Англии с Китаем объясняют скудость сведений о китайских городах.

Выбор города в качестве площадки, где происходит соприкосновение культур, представляется

интересным, поскольку образ города вмещает в себя множество разнообразных образов и культурных символов, впечатления, реакции, эмоции от соприкосновения с «чужим» пространством, которые, по словам Саида, рождали так называемую воображаемую реальность, или «воображаемый мир»².

Английский путешественник пришел из мира, для которого были характерны высокая активность индивидуумов и их направленность на контакты с внешним миром, на его покорение, стремление к утверждению собственной исключительности. Для неевропейских стран, куда он попал, были характерны тяготение к устойчивости, самодостаточности и замкнутости и безразличная толерантность к внешним факторам. Это столкновение двух миров – «своего» и «чужого» – нашло отражение в описании англичанами восточных городов и их жителей.

Будучи часто торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, англичане имели преимущественно прагматический интерес к Востоку, поэтому «знакомство» с ним протекало в обстановке приспособления «чужого» к собственным нуждам и интересам. В английском обществе, испытавшем огромное воздействие пуританства, с одобрением воспринималось только то, что соответствовало критерию «полезности». Рассказы о неисчерпаемых ресурсах и бесконечных богатствах Востока, обещавшие англичанам высокие прибыли и доходы, были призваны упрочить веру их соотечественников в необходимость рискованных мероприятий. Отсюда и интерес прежде всего к городам как центрам торговли, ремесел и администрации.

В рассказах англичан, представляющих собой в большинстве своем путевые отчеты, города являются основными «узлами» маршрута путешественника и представляются частью торгового пути. Если англичанин находил в городе то, что могло бы ему пригодиться в коммерческих интересах, он удостаивал город оценок «хороший» и «привлекательный» и продолжал заполнять его пространство в своих рассказах различными подробностями, отступлениями личного и практического характера. Города, таким образом, становились узлами повествования.

Не оставили равнодушными иностранных купцов восточные базары с ценными высококачественными хлопчатобумажными, шелковыми тканями, пряностями, индиго, сахаром и другими товарами, экспорт которых сулил европейцам большие доходы. Если базар был большой и регулярный, а ассортимент товаров устраивал англичан, то город, где он находился, получал восторженные отзывы³. Как отмечали путешественники, приносили известность городам и местные ремесленники, слава о которых распространялась далеко за пределы не только самих городов, но и стран⁴.

Например, в представлении всех английских путешественников город Сураат был наделен

всеми достоинствами: он был большим, многолюдным, богатым и известным. Несмотря на то что Т. Герберт ставил Сураат на 3-е место после Камбея и Ахмадабада среди «лучших» городов Могольской империи, он ничуть не сомневался, что «позже этот город станет самым большим торговым городом в Индии»⁵. Вероятно, его уверенность подкреплялась и тем фактом, что в Сураате находилась английская фактория, которая также «прославит» город.

Путешественники Т. Кориэт и У. Финч называли Лахор «одним из самых больших городов Востока»⁶, «вероятно, не менее шестнадцати миль в окружности, с которым не может сравниться даже Константинополь»⁷. Главной причиной процветания города путешественники называли торговлю. В рассказе Э. Терри Лахор представляется «главным рынком всей Индии»⁸. Р. Стил и Дж. Кроузер в своем журнале подчеркивали важную роль Лахора в караванной торговле. По сведениям путешественников, здесь собирались торговцы со всей Индии, чтобы «вложить большую часть своих денег в товары» и с караванами отправиться в Персию, несмотря на все опасности, которые их поджидали в горах Кандагара⁹.

Самым большим городом на Яве, по сведениям английских путешественников, был Бантам. Э. Скот писал о нем как об «очень густонаселенном», но не называл большим. Вероятно, на его восприятие Бантама повлияло то, что здесь, по его словам, он не увидел никаких ценных вещей, кроме перца, который привозился сюда для продажи¹⁰, да и тот в последнее время стал скупаться голландцами в местах выращивания.

Образ восточного города, созданный англичанами на страницах их записок, является крайне схематичным – удобным для изучения. Целостность ему придавало кольцо стен, которые отделяли город от сельской местности, воспринимаемой путешественниками через образы диких животных, экзотической флоры, полей и пастбищ. Чаще всего город являл себя путешественнику неприступной крепостью, несмотря на то что подавляющее большинство описаний ограничивается лишь краткой военной информацией. В глазах путешественников хорошо укрепленные города были символом сильной власти восточных правителей, от которых зависели судьбы не только подданных, но и самих городов. Например, индийский город Сураат, укрепленный стеной с бойницами и орудийными башнями, представлялся англичанам неприступным городом, готовым к встрече с врагами. По сведениям Т. Герберта, в городе постоянно присутствовал гарнизон из 200 всадников, а расположенные на крепостных валах многочисленные орудия были хорошими¹¹. Описание Р. Фитчем бирманского города Пегу также начинается с оценки надежности его защиты. На взгляд англичанина, каменная стена, окруженная большим рвом, где для устрашения

плавали крокодилы, надежно защищала город от внешней опасности¹².

При передвижении путешественника внутри городского пространства город представлялся ему совокупностью различных построек гражданского и культового характера. Образ восточного города рождался в процессе взаимодействия с личными представлениями путешественника, поскольку, останавливаясь в очередном городе на своем пути, англичанин не столько давал его описание, сколько выражал свое отношение к организации городского пространства: комфортности жилищ, качеству улиц, степени безопасности проживания, наличию «хорошей» воды и т. д.

Так, английский посол Т. Роу, столь строгий в оценке «чужой» действительности, не скупился на похвалы индийским садам. Англичанин не остался равнодушным при виде парка в индийском городе Тода. Даже присутствие языческих храмов и алтарей не помешало Т. Роу признаться в том, что «бедный ссыльный англичанин, возможно, был бы рад жить здесь»¹³. Зато в другом городе, Бурханпуре, Т. Роу устроил скандал из-за того, что жилье, предоставленное ему котвалом, показалось убогим и не соответствующим его статусу посла. По словам англичанина, у «серaley» были красивый каменный фасад и сводчатая крыша. Но когда Т. Роу вошел внутрь, то попал в тесные комнаты с голыми кирпичными стенами¹⁴. Поэтому англичанин предпочел спать в своей палатке, отправив котвалу письмо с угрозами и требованием предоставить лучшее жилье, достойное посла. Однако вскоре он убедился в том, что предоставленное ему жилье оказалось лучшим в городе, поскольку все дома были глиняными, кроме тех, что принадлежали сыновьям Джахангира.

Оценка восточных городов другими путешественниками также отражала их личное отношение к увиденному. У. Финч в своем журнале описывал Агру «большим городом и таким многолюдным, что невозможно пройти по узким и грязным улицам»¹⁵. П. Манди, рассказывая о правителе Патны, который заботился о благоустройстве города, отмечал, что правитель «заслужил уважение горожан», заложив красивый сад на берегу реки¹⁶.

В представлении английских путешественников Япония выделялась среди других восточных стран не только хорошими дорогами, но и «заботливыми» властями. По словам Р. Кокса, правитель Хирадо лично контролировал состояние улиц в городе. Горожане были обязаны приводить улицы в порядок перед праздниками или после тайфунов. Местные власти следили за исполнением этого указа и сурово наказывали тех, кто посмел ослушаться. Р. Кокс часто был свидетелем того, как каждый житель Хирадо с «большим усердием» приводил в порядок участок перед своим домом: делал водосточные каналы, посыпал новым гравием улицу, вывешивал фонари для ее освещения¹⁷.

В восприятии английскими путешественниками «чужого» пространства отсутствует четкость модели, построенной на бинарных оппозициях типа «Запад/Восток», «свой/чужой». Зачастую религиозные различия, которые в Средневековье играли главную роль в создании европейского образа Востока, отступали на второй план, чтобы подчеркнуть экономическую и политическую вражду между конкурирующими европейскими странами. Таким образом, голландцы и испанцы, угрожающие благополучию и успеху англичан в этом регионе, становились более «чужими», чем «идолопоклонники» с Малайского архипелага.

Английские путешественники, которым предстояло устранить конкурентов и защитить свои права на бесконечные богатства и возможности в этом регионе Востока, были готовы заключить союз с «чужими» неевропейцами против «других» европейцев, угрожающих благополучию и успеху «своей» нации¹⁸. Поэтому в записках они сочувствовали «бедным и несчастным» жителям острова Борнео, находящимся во власти «жадных и ненасытных до золота» испанцев¹⁹. Они возмущались «вероломством» своих «братьев-христиан» голландцев в Амбойне, которые по-варварски «заманили английских торговых агентов на праздник под предлогом дружбы и убили их к вечному позору своего народа»²⁰.

Примечательно, что в своих записках англичане критиковали внешний облик не только восточных жителей, но и голландцев, которые были их непримиримыми соперниками в торговле. Э. Скот не случайно 17 ноября каждого года одевал своих людей в королевские цвета и проводил парад в честь дня коронации в попытке отделить англичан от голландцев, которые, по словам путешественника, имели в Бантаме дурную репутацию пьяниц и беспутников²¹. Англичане «презирали» голландцев даже за их «жалкое одеяние». Скот пишет: «Наши мужчины были в опрятном одеянии, с цветными шарфами и лентами на шляпах; они (голландцы. – О. К.) в засаленных нитяных шапках, просмоленных куртках, а их рубашки, которые были у каждого, свисали между их ногами»²².

Сочинения английских путешественников имели разную эмоциональную окраску, поскольку отношение, идеи, стереотипы отдельных путешественников играли не последнюю роль в восприятии «чужой» среды.

Так, чаще всего жителей Могольской империи, Японии и Китая английские путешественники называли «невежественными» за отсутствие у них «хороших», на их взгляд, моральных качеств и наличие практически всех известных пороков, таких как жестокость, леность, распутство, хитрость, неискренность, гордость, высокомерие и т. д. Например, все жители Индостана, в восприятии Э. Терри, выглядели «трусливыми» и «малодушными» в сравнении с европейцами. Он с уверенностью заявлял, что никакое оружие не помогло бы местным жителям, предпочитавшим

«браниться, а не сражаться», «противостоять настоящему храброму человеку, вооруженному наилучшим образом»²³. Так же и жители Бантама, по словам Э. Скота, предпочитали выяснять отношения «не лицом к лицу» в честном бою, а мстить врагу исподтишка в силу своего «трусливого нрава»²⁴.

Вместе с тем другие путешественники предупреждали, что в действительности не стоит доверять первому впечатлению и недооценивать восточных жителей. Среди них Т. Герберт, который рассказывал о воинах-кшатриях, которые до прихода моголов были хозяевами Индостана и «без колебаний проливали кровь»²⁵. Также он был убежден в том, что португальцы «обманываются», думая, что «легко победить голых и неграмотных» аборигенов Малабара²⁶. По его словам, сама природа научила этих прирожденных воинов различными способам защиты. Более того, баня, которых Т. Герберт встретил в Каликуте и Куилоне, он наделил в своем описании многими человеческими добродетелями²⁷. Они, по его словам, «не ведут разгульный образ жизни», «не высокомерны», «нравственно честные и обходительные, сдержанные по темпераменту, прилично одеты, умеренны в еде, искусны в работе, щедры к нуждающемуся, застенчивы и милосердны»²⁸. Что же повлияло на столь высокую оценку Гербертом малабарских баня? В восприятии англичанина баня обладала признаком «цивилизованности» – участвовали в торговле, в том числе и с англичанами. Герберт приветствовал их трезвый практический ум и ставил в заслугу процветание этой «известной и богатой части Индии», несмотря на «деспотичность» правителя Малабара²⁹. Его высказывания служат подтверждением того, что зачастую представления путешественников о местных жителях напрямую зависели от возможностей, которые открывались перед ними в той или иной восточной стране или ее регионе.

Таким образом, одни авторы были более безжалостными в своих суждениях о «диких» поведенческих и обычаях чужой страны, другие с большим «пониманием» и терпимостью относились к тому, с чем встретились в восточных странах. Тем не менее отношение к неевропейским ареалам подспудно всегда оставалось двойственным. Отношение к Востоку в целом со стороны английских путешественников колебалось между презрением к чему-то заведомо известному своей «дикостью» и «варварством» и трепетом восхищения от его новизны или даже страхом перед ней.

Европейские путешественники не случайно акцентировали внимание на жестокости, пытках и обыденности вынесения смертных приговоров в восточных странах, поскольку это затрагивало самое фундаментальное право человека – право на жизнь. Стоит заметить, что в этом плане Запад не уступал Востоку. Видимо, в основе противопоставления восточных «зверства» и «жестокости» западным ценностям было разное

отношение к личности, которое европейцы хотели подчеркнуть.

В записках путешественников описания законов и порядков в восточных городах в большинстве своем очень похожи друг на друга. Лишь правовая система Японии несколько отличалась от других стран в восприятии англичан. По представлениям английских путешественников, она настолько переплеталась с обычаями, что порою за нарушение моральных норм налагалось более суровое наказание, чем за убийство, что вызывало их непонимание. А наиболее тяжким и «постыдным» среди преступлений считалось нарушение отношений между сюзереном и вассалом. Тем не менее порядок в стране, дисциплина и законопослушность поданных английские путешественники ставили в заслугу «мудрому» правителю и жесткому контролю во всех сферах жизнедеятельности. У. Адамс признавал безупречным управление Японией. В письме к жене он писал, что «ни в одной стране мира не найти лучшего управления государством», и признавал это правление «цивилизованным»³⁰. У. Адамс отмечал эффективность судебной системы и утверждал, что никому не удавалось уйти от наказания. По его словам, японские города жили по строгим законам, так что даже ночью можно было без опаски пройти по их улицам³¹.

Его слова находят подтверждение и в отзывах о пребывании в Японии другого английского путешественника, Артура Хатча. Он отдает должное ее правлению и признает, что в этом отношении она «может выдержать сравнение со многими, если не большинством в Христианском мире»³². Далее А. Хатч продолжает, что, несмотря на то что у «императора всего пять личных советников», государство управляется «мудро, искусно и осмотрительно», чтобы «предотвратить государственные измены и восстания, соблюсти закон и сохранить мир и спокойствие»³³. Высокая раскрываемость преступлений в Японии и доведенная до автоматизма законопослушность позволяли англичанам не опасаться за свои жизни даже ночью, что было практически невозможно в Англии. Если же возникали столкновения с «аборигенами», то исключительно по вине англичан, злоупотреблявших разгульным образом жизни и ни во что не ставивших местные традиции.

Вопреки своим средневековым истокам «дикарь» в записках английских путешественников мог стать добродетельным, «варвар» – героем. Так, У. Финч, прибывший с У. Хоукинсом в 1608 г. в Индию, рассказал о подвиге одного раджпутского «капитана», спасшего могольского правителя. По его сведениям, 6 января 1611 г. «король», будучи на охоте, чуть было не стал жертвой «свирепого льва»³⁴. Только бесстрашие и преданность этого раджпута, не побоявшегося сунуть свою руку в пасть «льву», спасли «Великого Могола» от печальной участи, хотя сам «капитан» в борьбе со зверем получил 32 раны³⁵.

В своих записках английские путешественники не только приписывали восточным правителям всевозможные пороки и недостатки. Они не были лишены и высоких моральных качеств. Так, по словам Э. Терри, характер Джахангира «удивительно сочетает в себе противоположные крайности»³⁶. По его словам, временами он может быть чрезвычайно жестоким, тогда как в другое время – очень милосердным. Среди его «добрых дел» Терри называл ежедневную помощь бедным и добросовестное исполнение сыновнего долга по отношению к матери³⁷. Т. Кориэта восхищался Акбаром, который в путешествии между Лахором и Агрой, переходя через реку, нес паланкин матери на собственном плече и приказал помогать ему своим вельможам³⁸. Путешественник отмечал, что «Великий Могол» был особенно добр в свой день рождения³⁹. Каждый год в этот день он взвешивался на золотых весах. Падишах становился в одну чашу, а другая заполнялась большим количеством золота, которое равнялось его весу. Впоследствии все это золото, как пишет Кориэт, раздавалось бедным. Очень часто восточные правители изображались «храбрыми и отважными» воинами.

При контактах с другими культурами люди склонны судить о чужих культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия ценности собственного этноса. Так и английские путешественники при встрече с неизвестными им странами к востоку от Инда воспринимали и оценивали восточные культуры, как и поведение их представителей, через призму своей культуры. То, что они увидели либо хотели увидеть здесь, отклонялось от норм, обычаев, типов поведения собственной культуры. Эти «чужие» люди не соответствовали не только сакральным, но и морально-нравственным ценностям англичан. Многие поступки и качества восточных людей казались странными европейским путешественникам и совершенно неприемлемыми для «цивилизованного» общества.

Ставя собственную культуру в центр мира, англичанин был уверен в абсолютно непоколебимой «праведности» его брата по вере. Поэтому, столкнувшись с «несправедливостью» в восточных странах, он обвинял китайцев в Бантаме и бания в Индии, готовых пойти на «всевозможные ухищрения, которые только можно придумать» ради собственной выгоды. Так, Р. Фитч называл индусов «хитрыми людьми, хуже евреев»⁴⁰. Индусы-торговцы в Могольской империи представлялись Т. Герберту не только «чрезмерно суеверными» варварами, но и «лукавыми, как дьявол, за внешним спокойствием и дружелюбием которых скрывается лицемерие, большими мошенниками в отношении доверчивых торговцев»⁴¹. Английский путешественник апеллировал к христианскому принципу, согласно которому страшным грехом считались присвоение чужого имущества и обман. В то же время для самого европейского горожанина богатство было главной целью деятельности

человека, а средства, чтобы обзавестись им, могли быть любыми – торговля, обман и хитрая афера⁴².

В то же время качества, которые в глазах англичан выглядели похожими на их собственные, вызывали их одобрение. Например, христианский принцип «не убий» они соотнесли с индийским принципом непричинения вреда живым существам – ахимсой. Поэтому индусы, не употреблявшие в пищу мяса и заботившиеся о животных, в их записках представлены людьми «милосердными» и «доброго нрава».

Путешествуя вдали от знакомого мира в поисках новых возможностей, английский путешественник изначально знал, что он встретится с отклонениями от привычного ему, с тем, что не соответствует его нормам и ценностям. Вместе с тем ему недостаточно было стать «открывателем» и «исследователем». Путешественник должен был вернуться назад героем, найдя способ «одержать верх» над «чужим» и провозгласив, что его собственные культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные.

Но столкнувшись с мощными и самодостаточными странами с богатыми торговыми городами, прекрасными столицами и дворами восточных правителей, похожими на сказку, англичане испытали некоторое замешательство, а их уверенность в собственной исключительности выглядела не столь убедительной и даже судьба торговых отношений не казалась безоблачной. Перед англичанами вставала задача чем-то компенсировать такую «несправедливость», повысить свой престиж, прежде всего в собственных глазах и глазах соотечественников, показать превосходство английской культуры над этой «чужой». «Защищаясь от тревожного влияния Востока»⁴³, в своих рассказах они осуждали восточного жителя уже за то, что он «чужой», ему приписывали многочисленные дурные качества, на фоне которых можно было с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ.

Английские путешественники, описывая реалии восточной жизни, стремились противопоставить самих себя «чужакам». Тем не менее необходимо отметить, что в некоторых случаях английские путешественники были не прочь сами стать «варварами», участвуя в восточных забавах, пиршествах и наслаждаясь другими радостями восточной «сказки». Так, обвиняя в злоупотреблении горячительными напитками японцев, которые, по словам А. Хатча, в разгар застолья становились «гневными, раздражительными и яростными»⁴⁴, сами англичане были всегда гонимыми местными «таверен и борделей»⁴⁵. Исключительно по вине англичан возникали столкновения с «аборигенами». Поэтому правитель Хирадо по требованию руководства английской фактории был вынужден издать указ, по которому «ни один японец не должен впускать англичан после захода солнца под угрозой серьезного штрафа»⁴⁶. По словам Р. Кокса, указ даймё сильно ударил по

англичанам, которые были «любителями выпить». Однако и в этом случае английские путешественники были склонны обвинять «чужую» среду и предупреждали о «вредности» пребывания в восточных странах, особенно «для тех, кто злоупотребляет горячительными напитками»⁴⁷.

Городское пространство в восприятии путешественника приобретало вместе с рациональным смыслом и эмоциональный. Хотя любознательность и не была главным мотивом плаваний европейцев в заморские страны, всевозможные перформативные акции являлись неотъемлемой частью их рассказов. Однако языческие ритуальные действия, церемонии и праздники выглядят в записках англичан не столько пугающей, сколько привлекающей экзотикой.

Английские путешественники уделяли большое внимание «суевериям» восточных жителей, которые они описывали с «просвещенной ироничностью»⁴⁸. Встречая такую снисходительность, трудно даже представить, что Западная Европа совсем недавно с большим трудом оправилась от собственной истерии вокруг ведьм, причем вера в ведьм процветала на всех социальных и культурных уровнях⁴⁹. Чаще всего путешественники иронизировали над религиозными практиками горожан и насмехались над «языческими верованиями» и богами, которым они поклонялись. Зачастую они склонялись к мнению, что предрасудки распространяли мусульманские и языческие «священники», злоупотребляя доверчивостью «наивных» и «глупых» людей. Однако даже в описании самых невероятных для англичан языческих культов они проявляли любознательность и неподдельный интерес.

Но лишь Т. Кориэт признавался открыто в том, что намеренно проделал большой путь из Англии в Индию, чтобы «насладиться» подобными сценами. Любопытство заставило его задержаться в Агре, чтобы совершить путешествие к «известной» реке Ганг, где он надеялся увидеть «незабываемую встречу идолопоклонников»⁵⁰. Несмотря на то что этот обряд индусов представлялся Кориэту «самым отвратительным и нечестивым суеверием этих неразумных язычников, чуждых Христу», он признавался, что с удовольствием хотел бы увидеть и многие другие «странные» церемонии⁵¹. По его словам, «ни в этой *Великой Азии*, ни в *Малой*, теперь называемой *Натолией*», нельзя было увидеть подобных зрелищ, ради которых он не зря проделал большой путь⁵². Любопытство в данном случае преобладало над религиозными убеждениями.

Не последнюю роль в создании образа «чужого» играло то, насколько увиденное соответствовало воображению и ожиданиям. Воображение англичан рисовало «неистощимый» склад специй, предметов роскоши и сырья и «ненасытный» рынок для английских товаров, которые они найдут в далеких странах. Восприятие городского пространства и морально-нравственная оценка

жителей восточного города зависели от того, что они могли предложить англичанам и насколько были готовы участвовать в торговле, выгодной для Англии.

Анализ записок путешественников позволяет выявить некоторые особенности в восприятии восточных стран и их жителей. На вершине своеобразной иерархической лестницы находился недоступный для англичан Китай, идеализированный образ которого по-прежнему манил их. Все попытки Англии завязать прямую торговлю с этой страной терпели неудачу. В 1630-е гг. в Минской империи капитаны Ассоциации Куртэна так испортили отношения с кантонскими властями, что англичане были объявлены врагами Китая и торговля с ними была запрещена навсегда. Лишь в 1685 г., когда 4 китайских порта были открыты для иностранной торговли, англичане смогли осуществить свою мечту⁵³. Ост-Индской компании удалось открыть факторию в Кантоне лишь в 1715 году.

Англичане довольствовались сведениями, полученными из вторых рук. Они получили возможность познакомиться с городами Китая по отчетам католических монахов, «Книге» Марко Поло, рассказам португальских путешественников, а также описаниям английского рыцаря Джона Мандевиля. Англичан манил идеализированный образ Китая, который, по их словам, «обладает всевозможными вещами, необходимыми для жизни», которые могли бы быть доступными для торговцев⁵⁴. Так, по сведениям Т. Герберта, в этом «королевстве», которое, по его словам, «столь же большое, как и богатое», насчитывается «2000 обнесенных стенами городов, 4000 городов без стен, 1000 замков и бесчисленное количество деревень, в которых проживает более 60 миллионов человек, не считая женщин и детей, что в 4 раза больше, чем во всей Франции», и 120 базаров⁵⁵.

За негостеприимный прием в китайских городах пришлось «отвечать» их жителям, которые в представлении английских путешественников не были лишены признаков «дикости». Так, «алчные» китайцы, которых Э. Скот встретил в Бантаме, в его восприятии выглядели готовыми пойти на «всевозможные ухищрения, которые только можно придумать» ради собственной выгоды. Он пишет, что не стоит им доверять в торговых отношениях, поскольку они «лукавы в торговле» и могут «предать самым подлым образом»⁵⁶.

Англичане не могли стерпеть бахвальства китайцев, которые возносили себя выше европейцев в области научных достижений. Т. Герберт возмущался их заявлениями о том, что китайцы «видят обоими глазами, европейцы – одним, а остальные люди – слепые», и был непоколебим в своих убеждениях, что в успехах и изобретениях китайцам далеко до европейцев⁵⁷. В его глазах китайцы выглядели всего лишь высокомерными и хвастливыми людьми. Несмотря на эти отзывы, в представлениях английских путешественников

недоступный Китай по-прежнему оставался бастионом политической стабильности и экономического процветания, а китайцы – искусными и трудолюбивыми ремесленниками.

За пределами цивилизованного мира, в глазах англичан, оказалась Юго-Восточная Азия, особенно страны и жители островов Малайского архипелага. Не последнюю роль играло то, что англичане не смогли сломить господства голландцев в этом субрегионе и получить желанного доступа к специям. Путешественники заботливо включали главного торгового партнера Ост-Индской компании – Могольскую империю (по крайней мере ее города) – в более цивилизованный ареал.

Необходимо отметить, что даже отсутствие одежды на жителях восточных городов путешественниками воспринималось по-разному. Например, в том, что жители Молуккских островов ходили без одежды, «не заботясь о том, чтобы скрыть свой срам», они усматривали признак распущенности и дикости. Питер Хейлин в своей работе «Космография», написанной на основе рассказов путешественников и изданной в середине XVII в., аборигенам Молуккских островов дает такую оценку: «Их невозможно цивилизовать совместным проживанием с более благопристойными и цивилизованными народами»⁵⁸. Т. Герберт не рекомендовал своим соотечественникам останавливаться на острове Целебес, который, по его словам, был «адом на земле» и населен «дурными людьми, которые все до единого являются наихудшими из дикарей и людоедами»⁵⁹.

В то же время если нагота жителей Молуккских островов и Целебеса для англичан фактически была свидетельством развращенности, в Могольской империи это было характеристикой представителей низших слоев общества. Присутствие «голых аборигенов», которых англичане видели на улицах городов, не оказало большого влияния на восприятие ими мощной и богатой страны, перед которой они испытывали некое замешательство и неуверенность. Поэтому о наготе ее жителей они упоминали вскользь, чтобы быстро перейти к восхвалению «величия» и богатства высших слоев общества.

Особняком в этой иерархии стояла Япония. Несмотря на то что и она не избежала негативных эпитетов в свой адрес за видимую непохожесть на «свое», страна, ее города и жители в описании англичан выглядят не такими «чужими». Для Ост-Индской компании и ее представителей была очевидной привлекательность этой страны с послушным народом и перспективным рынком сбыта английской шерсти, к тому же находящейся в разногласии с католическими странами. В своих записках путешественники, окрыленные радужными перспективами торговли с Японией, возможностью основать факторию и шатким положением здесь португальцев и испанцев, расточали похвалы «любезным», «бесстрашным» и «цивилизованным» японцам, их «разумному» правлению,

«строгую» и «беспристрастную» правосудию. Свою роль сыграла и островная психология англичан, которые отмечали изолированность Японии от других восточных стран и даже находили сходство японца в его «благопристойных» делах со старым английским пуританином.

Рассказам путешественников предназначалось быть практическим руководством к действию в «чужой» среде, поэтому они не столько рассказывали об увиденном, сколько предупреждали о возможных опасностях и проблемах. В стремлении повысить свой «престиж» и отделить «своих» от «других» англичане не избежали поверхностных обобщений. Описания ими городов различных стран выглядят несколько стандартными и шаблонными. Англичанин занимал позицию любопытного, но не очень глубокомысленного путешественника, который бросает на окружающий мир скользкий взгляд и отмечает, скорее, внешние черты нового для него мира. Воображаемый Восток продолжал играть роль места, где они могли реализовать свои амбиции.

Английских путешественников можно обвинять в пристрастности и стремлении реализовать свои амбиции при описании ими восточных городов. Однако исследование представлений англичан о восточном городе позволяет сделать вывод, что механизм восприятия «чужой» среды был более сложным. Даже если что-то шло вразрез с убеждениями англичан или настораживало их, они не всегда спешили рассматривать это как проявление чего-то плохого или отсталого. Показательны в этом случае слова священника Э. Терри, который предупреждал, что «не существует страны без неудобств и затруднений; поскольку мудрый Управляющий всеми земными делами учит человечество, что нет никакого истинного или полного совершенства, которое можно найти только в божьем царстве»⁶⁰.

Примечания

- 1 Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М., 2004. С. 40.
- 2 Сауд Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. яз. А. В. Говорунова. СПб., 2006. С. 147.
- 3 Например, см.: The voyage of Mr Ralph Fitch... // The principall navigations, voyages, and discoveries of the English nation... / ed. by R. Hakluyt. Vol. 2. L.: By George Bishop and Ralph Newberie..., 1599. P. 252, 260; Sir Thomas Herbert Baronet, his travels, begun in 1626, inti divers parts of Africa and Asia Major and in India... // Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, a compleat Collection of voyages and travels... / ed. by H. Jonh. Vol. II. L., 1705. P. 423.
- 4 См.: A Journall of the journey of Richard Steel and John Crowther... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. L.: Imprinted for H. Fetherston, 1625. P. 520; Extracts of a Tractate, written by

- Mr. Nicholas Whittington... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 483 ; A relation of a voyage to the Eastern India. Observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 9. P. 1467, 1470, 1471.
- ⁵ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 411.
- ⁶ Observations of William Finch, merchant, taken out of his large journall // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 432.
- ⁷ A Letter of M. Thomas Coryat, which travelled by land from Ierusalem to the Court of the Great Mogul, to Mr. L. Whitaker, dated in the Year 1615 // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 593.
- ⁸ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1467.
- ⁹ Journall of the journey of Richard Steel and John Crowther... P. 520.
- ¹⁰ A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences; written by Mr Edmund Scot, containing a History of Things done from the 11th February, 1602, till the 6th October, 1605, abbreviated // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 164.
- ¹¹ См.: Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 411.
- ¹² См.: The voyage of Mr. Ralph Fitch... P. 258.
- ¹³ Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 541.
- ¹⁴ Ibid. P. 540.
- ¹⁵ Observations of William Finch... P. 428.
- ¹⁶ The travels of Peter Mundy in Asia (1625–34) // Amazons, Savages, and Machiavels: Travel and colonial Writing in English, 1550–1630. An Anthology / ed. by A. Hadfield. Oxford, 2002. P. 233.
- ¹⁷ Relation of master Richard Cocks... P. 398.
- ¹⁸ Robert Markley. Riches, power, trade and religion: the Far East and the English imagination, 1600–1720 // Renaissance Studies. 2003. Vol. 17, № 3. P. 499.
- ¹⁹ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 464.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ См.: Lach D. F., Van Kley E. J. Asia in the making of Europe. Vol. 3. A Century of Advance. Book 1: Trade, missions, literature. Chicago, 1998. P. 552.
- ²² A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences; written by Mr Edmund Scot... P. 167.
- ²³ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1476.
- ²⁴ A Discourse of Java, and of the first English Factory there... written by Mr Edmund Scot... P. 165.
- ²⁵ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 423.
- ²⁶ Ibid. P. 458.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ См.: Adams W. Memorials of the Empire of Japan... / ed. by T. Rundall. L., 1850. P. 44.
- ³² Hatch A. A letter touthing Japon whirh the government, affaires and later occurrents there writing to me by master Arhtur Hatch // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 10. P. 1701.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ В ранних рассказах путешественники в Индию называли львами тигров.
- ³⁵ Observations of William Finch... P. 430.
- ³⁶ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1481.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ См.: Coryat T. Certaine Observations witten, by Thomas Coryat // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 600.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ The voyage of Mr Ralph Fitch... P. 254.
- ⁴¹ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 411.
- ⁴² Ванина Е. Ю. Ценностный мир средневековья (Опыт сравнения Индии и Западной Европы) // Ценностные ориентиры индийского общества / под ред. Л. Р. Полонской и др. М., 2003. С. 94.
- ⁴³ Саид Э. В. Указ. соч. С. 262.
- ⁴⁴ A letter touching Japon... by master Arthur Hatch... P. 1702.
- ⁴⁵ Cocks R. Relation of master Richard Cocks cape merchant... are added divers Letters of his and others // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 396.
- ⁴⁶ Ibid. P. 397.
- ⁴⁷ The second voyage of Captain Walter Payton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 533–534.
- ⁴⁸ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003. С. 468.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ A Letter of M. Thomas Coryat from Agra, the Capital City of the dominion of the Great Mogul in the Eastern India, the last of October, 1616. P. 598.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ См.: Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003. С. 91–92.
- ⁵⁴ Heylyn P. Cosmographie. Cosmographie. L., 1657. P. 865–866.
- ⁵⁵ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 464.
- ⁵⁶ A Discourse of Java, and of the first English Factory there... written by Mr Edmund Scot... P. 166–167.
- ⁵⁷ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 466.
- ⁵⁸ Heylyn P. Op. cit. P. 918.
- ⁵⁹ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 463.
- ⁶⁰ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1471.